№ 11 (205)
ноябрь
2013

Не в силе Бог, а в правде.

Александро-Невскій вѣстникъ

Газета Александро-Невского собора города Барнаула. Печатается по благословению Преосвященнейшего Сергия, епископа Барнаульского и Алтайского

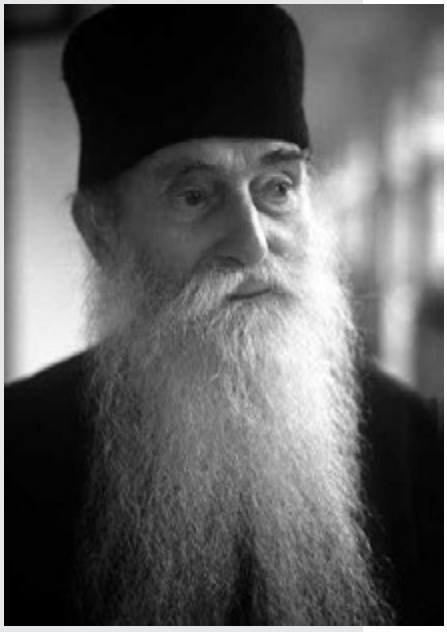
«Всякою молитвою и прошением молитесь во всякое время духом ... »
(Еф. 6:18).

Ю. Володин «Монах»

ДУХОВНЫЕ БЕСЕДЫ

Архимандрит Арсений (Папачок)

ПОСТ – ЭТО НЕ ТОЛЬКО ВОЗДЕРЖАНИЕ ОТ ПИЩИ, НО ЕЩЕ И МОЛИТВА



Архимандрит Арсений (Папачок) — старейший и один из самых почитаемых румынских старцев. Он представитель той золотой плеяды румынских духовников XX века, которые не имеют себе равных по истовости и всецелой жертвенности своей веры, опыту подвижничества в суровых условиях безлюдной пустыни, подобно аввам из древних патериков, — опыту, сочетающемуся с духовной мудростью, тонкостью проникновения в тайники человеческой души и недюжинными литературными дарованиями. Старец Арсений подвизался в непроходимых лесных дебрях румынских гор вместе с отцом Клеопой (Илие), подвергался преследованиям со стороны богоборческих властей, сидел за исповедание веры в тюрьме.

Пост имеет очень большое значение, и соблюдать его очень важно для всех людей — даже для неправославных. И даже для животных. Скажу вам, что пост исцеляет человека от злых духов, взявших над ним власть.

Пост — это не только воздержание от пищи, но еще и молитва.

Все, а врачи в особенности, знают, что отказ от пищи показан в определенные периоды времени, и это совсем не значит, что ты из-за этого умрешь от голода. В коммунистических тюрьмах не только морили голодом — там тебя и в ледяном карцере запирали, и в самых бесчеловечных условиях держали. А что вышло в итоге? Всех нас, кто во времена коммунизма прошел через тюрьмы по религиозным мотивам, не коснулись очень многие болезни, которые, казалось бы, неминуемо должны были начаться.

И это не было для нас новостью. Эти тяготы мы перенесли, потому что для этого нужна сила. Великий Творец создал человека совершенным, и ты, пользуясь строгим постом, можешь держать в узде то, что создано было совершенным. Поступать по-другому — большая ошибка.

Во всем нужна мера. Говорят, что человек — мера всех вещей («Pantos antropos…») — вероятно, вам знакомо это изречение, сказанное греческим философом Протагором примерно за четыре сотни лет до Рождества Христова. Но с какого же времени становится верным это изречение, которое вдохновляло и Сократа через несколько лет после него? С момента появления на земле Бого-Человека, или Человека-Бога. И потому, что Иисус Христос был Бого-Человеком, Он и был мерой во всем.

И человек может быть (мерой), но после известных усилий. Он может быть богом (по благодати), и тогда он — мера всех вещей в христианском подвизающемся мире. И я не говорю здесь о жизни в монастырях и о тех, кто подвизается в пустыне, где это воздержание от скоромной пищи очевидно. Мы не можем входить в такие подробности, это труднообъяснимо, да и не надо говорить о том, чем живы были подвижники в своих кельях или в лесу и в пустыне.

Очень многие, узнав, что у меня за плечами очень суровая монашеская жизнь в тюрьмах и оковах, а особенно в пустынях, спрашивали меня, происходили ли со мной чудеса. А я скажу и вам тоже, что там, где вы находитесь, с каждым из вас тоже происходило очень много чудес, если учесть один очень важный момент — то, что мы не иное что, как ветвь на лозе. То есть мы получаем силу от Бога, создавшего нас не для одних только нас, но и для всего мира. Поэтому если кто-нибудь страдает, страдай и ты вместе с ним. Ибо хорошо сказано, что «над трагедией всего мира нужно плакать, как над своими согрешениями».

Великое дело — чистая молитва из сердца и уст к Богу! Молитва — это острая стрела, которую устремляли в небо тысячи лет все святые, да и самые простые христиане. Молитва пронзала сердце небес — может, и негодовавших на обитателей земли, — и тем же путем приходили спасительные ответы — так сохранялась вера на земле из рода в род.

Брат-христианин, у тебя тоже есть своя история: ты входишь в великий христианский союз — Церковь и навсегда искуплен жертвой Спасителя. Значит, ты стоишь очень дорого, и на тебе лежит великая и благородная ответственность. Разве тяжело каждому из нас хоть немного попросить Бога, просто и прямо, чтобы Он помог нам в стольких бедах и страданиях, и поблагодарить Его?!

Где тот человек, которому нечего просить у Господа нашего Иисуса Христа и Матери Божией? Говорят, что Матерь Божия обижается на тех, кто никогда не просит Ее ни о чем! Она молитвенница за людей, и сколько может Бог Своей силой, столько может и Матерь Божия Своей молитвой. Покажи же, что ты — чадо Матери Божией, имеющее в груди детское сердце!

А от земных забот мы можем избавиться, если только захотим этого, ведь от нас зависит наше спасение. Как душам, Богом дарованным, нам нужно проявлять больше воли, чтобы не загружать и не обременять себя этими земными заботами до такой степени. Будем распоряжаться своей жизнью как люди, мыслящие более высоко и очень ответственные. Если бы мы спросили спасенных, живущих на небесах: «Чего вам стоило стяжать такое блаженство?» — они ответили бы нам: «Времени, немножечко времени, хорошо проведенного на земле!» Так значит, у нас вообще нет другого времени, чтобы довести до совершенства свои души — призванные, одаренные и полные такой решимости.

Сокрой Господа в сердце твоем, и пребудь вниманием там, и стой там пред Господом неисходно. Тогда ты заметишь в себе каждую пылинку. Так начинается таинственное научение. Оно что зеркало для ума и светильник для совести. Оно иссушает блуд, погашает ярость, смиряет гнев и рассеивает печаль, укрощает дерзость, развеивает отчаяние, проясняет ум, прогоняет лень, воистину смиряет тебя и делает рассудок твой непрельщаемым; уязвляет бесов, очищает тело, и человек уже не бывает участником во всяком скверном деле, а чуждается его. И думает все время: «К кому я пойду? Я, червь…» Это и иное, относящееся к памяти смертной и вечной участи человека, принадлежит к таинственному учению.

По страницам сайта Православие.ру

В. Максимов «Больной муж»

Н.Е.Пестов

МОЛИТВА ЗА БЛИЖНИХ И УСОПШИХ

Молитесь друг за друга.
Иак. 5, 16

Не столько за себя, сколько за ближних и страждущих должен усердно молиться христианин. К молитве за других призывают апостолы: «Молитесь друг за друга», — пишет ап. Иаков (5, 16), а ап. Павел так поучает ефесских христиан: «Всякою молитвою и прошением молитесь во всякое время духом, и старайтесь о сем самом со всяким постоянством и молением о всех святых» (Еф. 6:18).

Игумения Арсения пишет: «Так хорошо чувствуется, когда помолишься о спасении кого-либо и отдашь спасение этого человека в руки Божии».

То же советует и о. Иоанн С: «Когда видишь в ближнем недостатки — моли Бога от всего сердца об их исправлении».

Как пишет митрополит Московский Филарет: «Душа усильно молящегося не входит ли в общение с тем, за кого молится? В сем общении не простирается ли иногда ток силы к душе, ищущей помощи!»

О том же пишет архиепископ Иоанн: «Через молитву мы соединяемся с другим человеком все по-новому и все по-лучшему... Молитва очищает бывшие, настоящие и будущие отношения».

А праведник-священник Иоанн из города Дара, говорит:

«Мы, может быть, думаем, что мы не можем изменить сердцем своих ближних и отвести их от порока, страсти и греха? Но св. отцы говорят, что в этом очень трудном деле мы не бессильны.

Мы многое можем сделать с сердцами ближних, если мы будем усиленно молиться за них сами, просить о том Церковь (подача просфор за них) и совершать другие подвиги, угодные Богу. Если мы не сделали всего этого, то нельзя думать, что мы сделали все возможное для нас ради ближних».

Совершенно очевидно, что действенность наших прошений зависит от нашей близости к Богу — подвига ради богоугождения и наличия у нас чистоты сердечной и христианских добродетелей.

Как пишет прп. Исаак Сириянин: «В какой мере вступил кто в подвиг ради Бога, в такой сердце его приемлет дерзновение в молитве его».

О. Иоанн С. говорит по этому поводу: «Если ты живешь верою и добродетельно, особенно кротостью, смирением и милосердием соединен с Богом, то проси у Него чего хочешь, чему научит тебя просить Дух Святой, и будет тебе — или скоро, во мгновение, в один час, или через некоторое время, по усмотрению премудрости Божией».

Однако и при чувстве своего недостоинства нельзя оставлять молитв как за себя, так и за ближних, и как бы ни были мы нищи Духом, как бы ни слаба была наша молитва, все же надо верить, что и мы своею молитвою можем много помочь ближним, и это будет самой действенной и надежной помощью.

Старец Силуан так говорит об этом:

«Раньше я думал, что Господь творит чудеса только по молитвам святых, но теперь узнал, что и грешнику сотворит Господь чудо, как только смирится душа его, ибо когда человек научится смирению, тогда Господь слушает его молитвы.

Многие по неопытности говорят, что такой-то святой сделал чудо, но я узнал, что это Дух Святой,

Который живет в человеке, творит чудеса. Господь хочет, чтобы все спаслись и вечно были с Ним, и поэтому слушает молитвы грешного человека ради пользы других или самого того, кто молится».

Здесь следует вспомнить из жития святых следующий рассказ, на который обратил внимание Н. А. Мотовилова прп. Серафим (см. беседу «О цели христианской жизни»).

Одна блудница, христианка по крещению, встретилась с женщиной-язычницей, находившейся в отчаянии из-за смерти единственного сына. В страшном горе своем мать стала умолять блудницу, чтобы та помолилась о воскрешении ее сына.

Зная свое недостоинство, блудница ужаснулась в душе этой просьбе матери, но, видя отчаяние последней и ее веру и будучи не в силах видеть ее горе, она возопила ко Господу: «Не ради меня, грешницы окаянной, но слез ради матери, отчаянно скорбящей о сыне своем, но в милосердии и всемогуществе Твоем, Христе Боже, твердо уверенной, воскреси, Господи, сына ее». И Господь воскресил сына.

Каждому христианину будут встречаться случаи, когда и его будут просить помолиться о чем-либо. Конечно, всегда надо исполнять такие просьбы, но вместе с тем в смирении надо считать себя недостойными представительствовать в молитве за других. В таких случаях надо исполнять такой совет о. Иоанна С: «Когда тебя попросят помолиться о спасении кого-либо от какого-либо бедствия, то скажи в себе: "Буди благословенна вера ваша, по вере вашей да даст Господь исполнение моей недостойной, маловерной молитвы и да приложит мне веру"».

Опыт жизни говорит, что и в тех случаях, когда мы хотели бы исправить недостатки наших ближних, самым действенным средством для этого является не увещевание их, а молитва за них.

Увещевание может действовать лишь при наличии у нас кротости и великой любви к ближним, а также наличии у ближних нашего авторитета; этого чаще всего у нас недостает, и поэтому увещевания вызывают у ближних большей частью лишь раздражение и враждебность.

Отец Силуан учил, что «молиться надо и за раздражительного и недоброго начальника, как молятся за больного; молиться надо также за подчиненных и за тех, кто тебя обидел, чтобы на душе были всегда мир и любовь». Молиться за ближних надо так горячо, как бы «кровь проливать», по выражению старца.

Последнее подтверждается из молитвенного опыта о. Иоанна С, описанного ниже.

«Девять раз я ходил молиться о смертельно больных младенцах с дерзновенным упованием, что Бог призрит на труд мой, на ходьбу мою, на молитвы и коленопреклонения, на дерзновение мое, на упование мое... Прихожу в десятый раз — младенцы здоровы».

Один христианин из наблюдавших молитву о. Иоанна около постели безнадежно больного так описывает ее:

«Он просил с непреодолимой силой любви к ближнему. Он стучал все громче и громче в заветную, обетованную дверь. Он весь преобразился, черты его лица светились, глаза таинственно блестели, трепет пробегал по его телу, капли пота струились по лбу его. Наконец мольба его была услышана. Он почувствовал, как влилась в него светлая, дивная могучая сила. Ему уже давно знакомо было это ощущение. Он поднялся с колен и направился к кровати... И положил больному руку на голову.

«Встань и помолимся вместе», — тихо сказал он.

— Я не могу шевельнуться.

О. Иоанн еще раз возложил на него руку и еще раз повторил: «Встань и помолимся вместе». И больной встал с кровати».

Почему же не все молитвы за ближних исполняются и каковы условия для надежды на благоприятные последствия молитвы? На этот вопрос так отвечает старец Силуан:

«Когда хочет Господь кого-нибудь помиловать, то внушает другим желание за него молиться и помогает в этой молитве. Поэтому должно знать, что когда приходит желание молиться за кого-либо, то это значит, что Сам Господь хочет помиловать ту душу и милостиво слушает твои молитвы.

Но не должно смешивать желание молиться, которое внушает Господь, с желанием, которое рождается по пристрастию к тому, о ком молишься».

Очевидно, что в последнем случае молитва не всегда так исполняется Господом, как в первом случае, когда молятся по внушению от Господа.

Один из иноков спросил прп. Варсонофия Великого: «Могут ли одни молитвы святых испросить прощения грехов без покаяния самого согрешившего?» Преподобный ответил:

«Если человек сам не потрудится по силе своей и не присоединит собственного труда к молитвам святых, то никакой не получит пользы от того, что святые будут за него молиться.

Когда они будут поститься и молиться за него, а он будет сластолюбствовать и вести себя беспорядочно, то какую пользу принесет молитва о нем? Ибо здесь сбывается сказанное в Писании: "Когда один строит, а другой разрушает, то что они получат для себя, кроме утомления?" (Сир. 34:23).

Если бы возможно было, что человек, о котором молятся святые, спасался, ни мало не внимая себе, то что препятствовало бы святым спасать таким образом всех грешных мира сего?»

Поэтому епископ Феофан Затворник пишет: «Молитва других о нас бывает сильна только тогда, когда есть и наша собственная молитва».Однако следует заметить, что из общего правила бывают и исключения. Эти исключения бывают тогда, когда горячность любви ближнего и его неотступность в молитве за согрешающего бывают очень сильны. Вот несколько примеров об этом из истории Церкви Христовой.

1. Блаженный Августин был в молодости совращен в ересь манихеев и вел далеко не добродетельную жизнь. Его благочестивая мать Моника горячо молилась о спасении его души и много плакала о сыне.

«Такие слезы и молитвы не будут отринуты Богом», — предсказал ей один епископ. И действительно, ее молитвы были услышаны и Августин стал одним из великих учителей древней христианской Церкви.

2. Два инока жили в пустыне. Один из них не вынес искушений и сказал: «Я иду в мир».

Заплакал второй инок и сказал: «Я пойду за тобою». Когда первый бывал в домах греха, второй слезно молился Богу о спасении души брата.

И вот однажды ночью он увидел ангела, который сказал ему: «За твою горячую любовь и молитвы о погибшем брате Господь дарит тебе его душу». На утро соблазненный брат сказал иноку: «Брат, веди меня в пустыню».

3. В жизнеописании старца о. Алексия М. рассказывается о случае, когда по его молитвам и по неотступным молитвам его духовной дочери муж последней, не веровавший в течение своей жизни, уверовал на смертном одре, покаялся и причастился Святых Таин.

Следует сказать, что этот человек с симпатией относился к старцу о. Алексию, принимал посылаемые ему просфорки, которые ел за чаем.

4. В жизнеописании итальянской праведницы Джеммы Гальгани рассказывается про нее следующее.

К ней приходили родные тех лиц, которые вели греховную жизнь. Джемму просили об обращении к Богу этих заблудившихся душ.

Джемма начинала усердно молиться, добавляя к молитве следующее: «Обрати их к вере и истине, а от меня возьми, ради их спасения, сколько нужно лет моей жизни».

Эти лица действительно каялись и исправляли свою жизнь. Джемма же умерла в раннем возрасте...

* * *

Иногда у христианина может возникнуть также вопрос: достаточно ли одной его молитвы при какой-либо серьезной просьбе к Господу? На это так отвечает прп. Варсонофий Великий:

«Хотя грешный и потрудился несколько сам, он имеет нужду в молитве праведного. Ибо апостол говорит: "Много может усиленная молитва праведного" (Иак. 5:16). Но когда святой и праведный молятся за грешного, то и грешный, по силе своей, должен содействовать молению святых покаянием; будучи сам собою недостаточен к уплате долгов своих, он принесет малое, а молитвы святых — многое.

Например, кому-нибудь надобно перенести десять мер пшеницы, а он не может понести и двух, но найдет богобоязненного человека, который понесет за него девять мер, а ему оставит только одну и таким образом даст ему возможность спастись».

Молитва за ближних приносит большую пользу: она привлекает к ним помощь и милость Божию, а молящегося делает как бы другом Божиим.

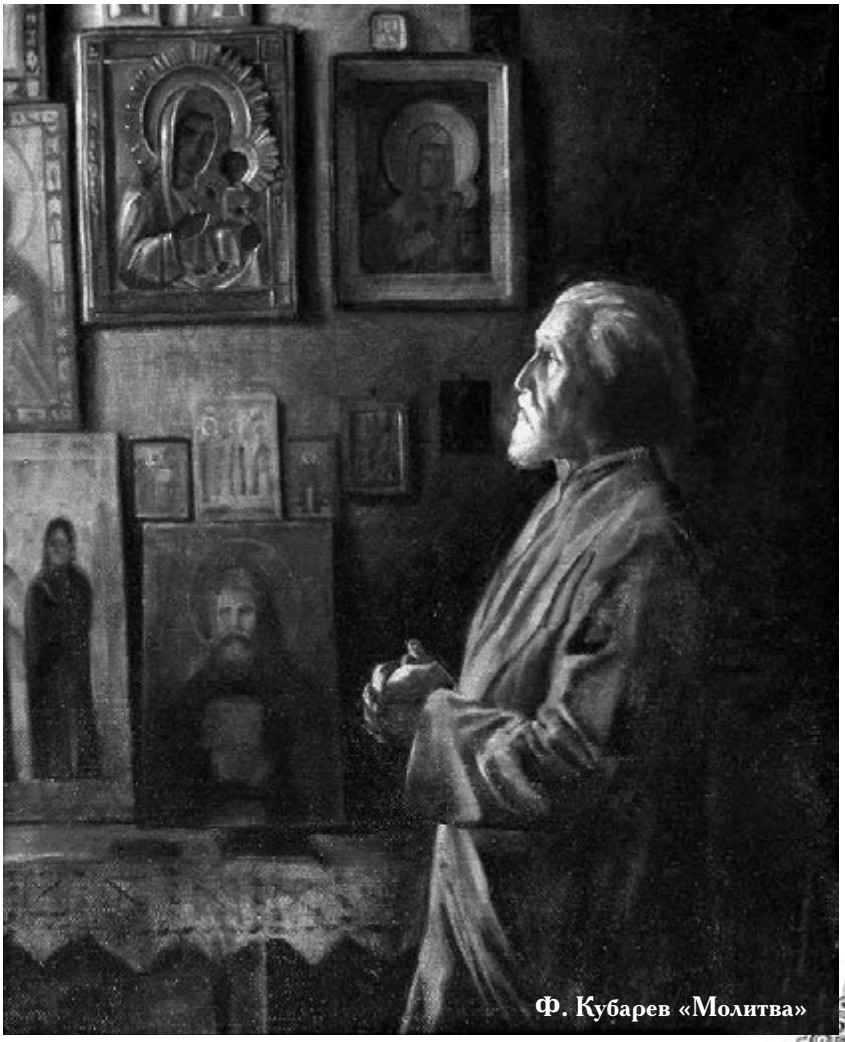
О. Иоанн С. говорит по этому поводу:

«Не ленись молиться усердно о других по прошению их, или сам собою, или вместе с ними: сам получишь милость от Бога — благодать Божию в сердце, услаждающую и укрепляющую тебя в вере и любви к Богу и ближнему. Будешь милостив к ближним — и к тебе будет милостив Бог, равно и все ангелы и святые: будешь молиться за других, а за тебя все небо будет ходатайствовать. Отчего искренняя наша молитва друг за друга имеет великую силу на других? Оттого, что я прилепляюсь во время молитвы к Богу, делаюсь един дух с Ним, а тех, за которых я молюсь, соединяю с собою верою и любовью, потому что Дух Божий, действующий во мне, действует в то же время и в них, как "все исполняющий", так как "мы многие одно тело, ибо все причащаемся от одного хлеба" (1 Кор. 10, 17; Еф. 4, 4)».

Как мы видим из слов о. Иоанна, молитва не о себе, а о ближних, страдающих, в беде сущих, а также о Церкви и Родине имеет безусловное преимущество перед молитвой о себе и о своих нуждах. Последняя диктуется заботой о себе. Не лучше ли всю заботу о себе вверить в руки Премудрого и Премилосердного нашего Отца Небесного, а все свои силы отдавать помощи ближним? Из видов же помощи не самая ли доступная, надежная и мудрая — это молитвенная помощь?!

И если мы будем так трудиться, подражая Самому Господу и Его святым, то Его милость изольется и на нас и притом в несравненно большей степени, чем при выпрашивании у Господа милостей только для себя.

Кроме ближних, есть еще категория людей, за которых необходимо всегда молиться христианину.



Ф. Кубарев «Молитва»

Это те люди, с которыми мы не можем более почему-либо встретиться, но перед которыми мы остались виновными — или в обиде их, оскорблении, несправедливости или, может быть, даже в соблазне их ко греху и к неверию.

Все они будут свидетельствовать о нашем недостоинстве на Страшном Суде. И единственный способ смягчить нашу вину перед ними — это молитва за них, молитва о спасении их души.

В равной мере надо усердно молиться и за тех, которые нас оскорбляли, гнали, поносили или так или иначе вредили нам.

Как говорил о том Созоновский затворник Иоанн, подобные люди «не враги, а благодетели наши, ибо волею Божиею они способствуют нам преуспевать в терпении и получать небесные награды».

А по указанию аввы Зинона: «Кто хочет, чтобы Бог услышал его молитву, тот, прежде всякой другой молитвы, да принесет молитву о врагах своих, ради этого Бог услышит всякую молитву его».

Чем чище становится душа христианина, тем больше он молится за других и меньше за себя.

Но за всех ли без исключения нужно и можно молиться?

Здесь надо вспомнить одно указание св. апостола Иоанна Богослова: «Если кто видит брата своего согрешающего грехом не к смерти, то пусть молится, и Бог даст ему жизнь, то есть согрешающему грехом не к смерти. Есть грех к смерти: не о том говорю, чтобы он молился» (1Ин. 5:16).

Здесь, нужно думать, запрещается молиться о житейском благополучии для такого брата, но не исключаются прошения о том, чтобы такой брат покаялся в своем грехе, обратился к Богу и пошел путем истины.

Вспомним, что в церковном утреннем молитвенном правиле имеется прошение об «отступивших от православной веры...» и о присоединении их к Апостольской Соборной Церкви.

Особенную нужду в наших молитвах имеют усопшие. В церковной истории имеются многочисленные свидетельства о том, какое большое значение для умерших телом имеют молитвы о них живых. Вместе с тем при усердной молитве за умерших последние сами становятся ходатаями к Богу за живых.

В описании жизни митрополита московского Филарета имеется такой случай.

Митрополиту была подана на подпись бумага о запрещении священнослужения одному священнику, злоупотреблявшему вином.

Почему-то замедлил подписать эту бумагу митрополит Филарет. Ночью видит он сон, что обступили его какие-то странные, оборванные и несчастные люди и просят за провинившегося священника, называя его своим благодетелем.

Три раза вновь повторялся этот сон. Наутро митрополит позвал виновного и стал расспрашивать о его жизни и спросил, за кого он молится.

«Ничего достойного нет во мне, Владыко, — смиренно отвечал иерей. — Единственное, что на сердце у меня лежит, — это молитва за всех нечаянно погибших, утонувших, без погребения умерших и безродных. Когда я служу, я стараюсь усердно молиться о таких лицах».

— Ну, благодари их, — сказал провинившемуся митрополит Филарет и, разорвав бумагу о запрещении служения провинившемуся иерею, отпустил его лишь с увещеваниями оставить свою слабость.

Как говорилось уже выше, всегда надо предпочитать молитву за других молитве о себе. Так, старец Силуан имел обильный дар слез, пока молился за умерших.

По совету одного подвижника он стал более заниматься «плачем о себе». Но тогда слезы прекратились. Они вернулись вновь, когда он стал снова усердно молиться за умерших.

Вот как говорит о значении молитвы за усопших архиепископ Иоанн (Шаховской): «Молитва за ушедших с этой земли очищает и сердце самого молящегося от всех ненужных осадков в отношении этих усопших.

Молитва за живущих на земле может быть и корыстна, и своевольна.

Молитва же за усопших такой не бывает, она всегда источает небесную, очищенную любовь, истинный воздух вечности».

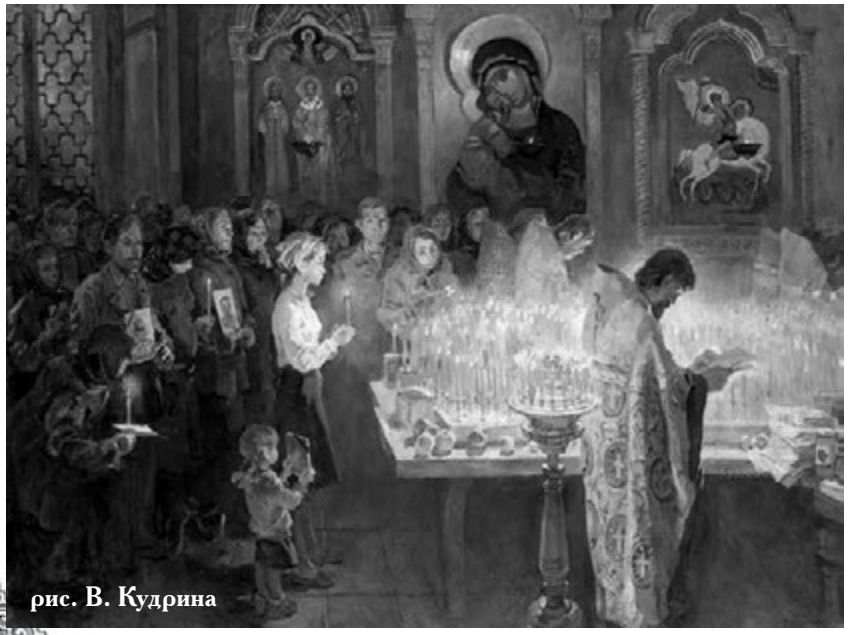


рис. В. Кудрина

ПРИМЕЧАНИЕ

У лютеран нет молитвы за умерших. Может быть, для некоторых непонятно: как могут живущие повлиять на судьбу уже умерших?

Здесь следует вспомнить притчу об «управителе неверном» (Лк. 16, 1-12). В этой притче управитель самовольно переписывал долговые расписки — со ста на восемьдесят и пятьдесят, и господин похвалил за это управителя.

Так и всякий может своей молитвой облегчить участь как живущих, так и умерших. Его молитва всегда снимет какую-то часть того греховного долга, который на том свете, может быть, еще тяготит умершую телом душу.

ЕВГЕНИЙ МИН

Колодец

В одном селении на юге, где солнце нещадно палит зимой и летом, а все капли дождя за год можно сосчитать по пальца, жил темный Колодец.

Он был очень глубок и очень гордился этим.

— Только ты одно можешь постичь до дна мою глубину, — говорил Колодец железному Ведру. — Чего стоит по сравнению со мной мудрость мудрецов? Мудрые люди стареют, их мысли становятся гладкими и плоскими, а я остаюсь глубоким. Недаром луна и звезды засматриваются на меня. Я нужен всем. Не будь меня, в этой деревне давно бы никого не осталось в живых. Ты согласно со мной?

— Согласно, согласно, — позвякивало Ведро.

— Но скажи мне, почему я так глубок? — настойчиво спрашивал Колодец. — Почему во мне так много влаги?

— Ты глубок, — отвечало Ведро, — потому что тебя питают подземные ключи. В тебе так много влаги, потому что все они отдают ее тебе.

— Чепуха! — пробурчал Колодец. — Ключей много, но я один такой глубокий Колодец на свете. Ты, Ведро, не можешь понять этого. Ты приковано цепью и не способно мыслить смело и свободно.

Ведро умолкало, зная, какого высокого мнения о себе Колодец и как бесполезно спорить с ним.

Шли годы. В Колодце все меньше оставалось воды. И вот однажды Ведро вытащило только песок.

На следующее утро Колодец напрасно ждал Ведро. Оно не явилось ни днем, ни вечером, не звенело цепью, не рассказывало, как жарко и пыльно на земле и как холодно и хорошо на дне Колодца.

— Что случилось с моим верным другом? — обеспокоился Колодец. — Должно быть, оно утомилось спускаться низко и подниматься высоко и решило немного отдохнуть. Правда, оно железное, но и железо может устать.

Минула неделя, вторая. Ведро не появлялось. Затем Колодец плотно прикрыли тяжелой доской, и он уже не видел ни луны, ни звезд.

— Что произошло там, на земле? — скрипел Колодец. — Где мое Ведро? Почему все забыли про меня?

— Ты иссяк и больше не нужен, — прошамкал сморщенный гриб, поселившийся между бревнами Колодца.

— Что значит «иссяк»? Разве я не глубок, как прежде?

— Ты по-прежнему глубок, но в тебе нет и капли влаги. Подземные ключи ушли в другое место, и люди вырыли другой колодец. Он мельче тебя, но в нем много воды.

— А Ведро? Мое Ведро?

— Твое Ведро спускается в новый источник влаги.

— Позор, предательство! — завопил Колодец. — Столько лет я позволял ему опускаться ко мне на дно и пользоваться моей глубиной. И вот оно изменило мне и перебежало к другому, к тому, кто мельче меня. Какая же неблагодарная, железная душа у этого Ведра!

— Ты не понимаешь, — прошепелявил гриб. — Ведро ушло по воду.

— Нет, нет, никогда я не пойму этого, — заскрипел еще сильнее Колодец. — Променять меня на какую-то воду!

Так он и высох окончательно и ничего не понял, этот старый Колодец.

ПОДВИЖНИКИ XX ВЕКА

ПРЕПОДОБНЫЙ СЕВАСТИАН КАРАГАНДИНСКИЙ

22 октября — день перенесения мощей преподобного Севастиана(Фомина), исповедника Карагандинского — преемника оптинских старцев, основателя тайной монашеской Карагандинской общины, старца, к которому со всех концов Казахстана, Сибири, Европейской части России съезжались духовенство и миряне.

Преподобный Севастиан родился 28 октября (10 ноября по старому стилю) 1884 года в селе Космодемьяновское Орловской губернии, в бедной крестьянской семье.

Отца звали Василием, а мать — Матроной. Родители дали ему имя Стефан, в честь преподобного Стефана Савваита, в день памяти которого он и родился.

Всего в семье было три сына. Илларион, Роман и Стефан.

Когда Стефану было четыре года, умер отец, а через год — мать, и остались братья сиротами.

Чтобы укрепить семью, Илларион через год после смерти родителей женится, а средний брат, Роман, в 1892 году уходит в Оптину Пустынь, где его принимают послушником в Иоанно-Предтеченский скит.

Вспоминая о детстве, старец Севастиан говорил: «Хотя бы кто-нибудь остался из женского пола: или бабушка, или сестра, или тетя, кто бы о тебе в таком возрасте позаботиться мог. Без матери-то плохо... Побить-то, поругать есть кому, а пожалеть-то некому было».

От рождения он был слаб здоровьем, и на полевых работах трудился мало, в основном на пастбище, пастухом. Сверстники его недолюбливали за то, что он был тих, и отличался кротостью. Дразнили его «монахом».

Зимой, когда крестьяне отдыхали от полевых работ, Стефан навещал своего брата в монастыре.

В 1908 году Роман принял монашеский постриг с именем Рафаил, а 16 декабря 1908 года в монастырском храме во имя преп. Марии Египетской отцом настоятелем Ксенофонтом был облечен в мантию.

К этому времени семья старшего брата окрепла, и Стефан, утвердившись в своем желании иноческого жития, приезжает в скит Оптиной Пустыни, где 3 января 1909 года остается келейником старца Иосифа.

«Жили мы со старцем, как с родным отцом. Вместе с ним молились, вместе кушали, вместе читали». Вспоминает митр. Питирим (Нечаев): «Когда старец Иосиф умер, его это так потрясло, что у него сделался парез пищевода. Всю жизнь он мог есть только жидкую супообразную пищу, протертую картошку, запивая ее квасом, протертое яблоко — очень немного, жидкое, полусырое яйцо. Иногда спазм схватывал его пищевод, он закашливался, и есть уже не мог, оставался голодным. Можно себе представить, как тяжело ему приходилось в лагере, когда кормили селедкой и не давали воды».

После смерти старца Иосифа молодого послушника взял к себе келейником о. Нектарий.

У старца Нектария было два келейника. Старший — о. Стефан, за мягкость и доброе сердце его прозвали «летом». Младший — о. Петр (Швырев), его прозвали «зимой», так как был погрубее и строже. Когда народ в хибарке от долгого ожидания старца начинал унывать и роптать, о. Нектарий посылал для утешения о. Стефана. Когда же ожидавшие люди поднимали шум, тогда выходил о. Петр.

В 1912 году Стефан был пострижен в рясофор. В 1917 году — в мантию, с именем Севастиан (в честь мученика Севастиана).

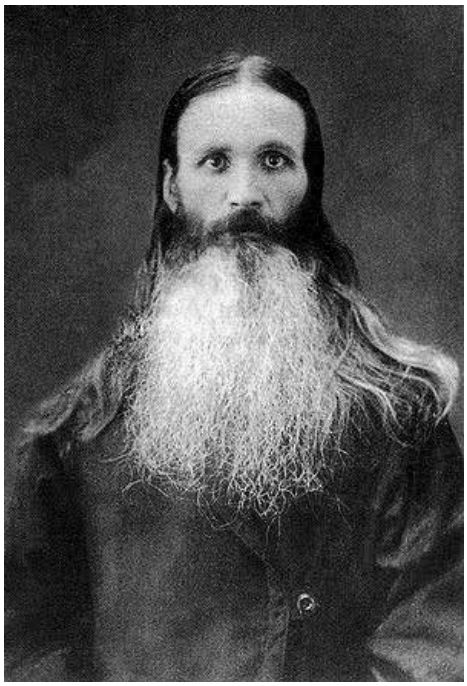
Не долго преп. Севастиану оставалось подвизаться в монастыре. 10/23 января 1918 года декретом СНК Оптина Пустынь была закрыта. Большинство Оптинской братии переселились в Козельск и близлежащие деревни. Некоторые покупали домики и жили вместе по нескольку человек.

В 1923 году, за два месяца до полного закрытия монастыря, о. Севастиан был рукоположен в иеродиакона, в 1927 году епископом Калуги — в иеромонаха. После смерти о. Нектария (29 апреля 1928 г.) о. Севастиан, исполняя благословение, уезжает служить на приход. Следуют города: Козельск, Калуга, а после, по приглашению протоиерея Владимира Андреевича Нечаева (настоятеля Ильинской церкви г. Козлова), переезжает в город Козлов, где епископ Тамбовский Вассиан (Пятницкий) определяет его в Ильинскую церковь. Там преп. Севастиан

служил с 1928 по 1933 год, вплоть до ареста.

Вскоре взяли под стражу протоиерея Владимира, и о. Севастиан берет на себя заботу о семье Нечаевых. Отсюда та любовь и то уважение, которое испытывал митр. Питирим к преп. Севастиану.

Не удивительно, что постепенно к о. Севастиану стали съезжаться «сестры по духу», которые искали духовного руководства после закрытия Оптиной Пустыни. Первой приехала инокиня Шамординского монастыря Агриппина, которую батюшка определил петь на клиросе. Затем приехала инокиня того же монастыря — Феврония, ей батюшка определил послушание управлять хозяйством в доме. Вскоре приехали две девушки из купеческой семьи. Одна из них — инокиня Варвара. Она обладала хорошим голосом и прекрасной памятью. Она же была уставщицей в храме. Ее прозвали «миротворицей» за то, что примиряла ссорящихся. Отец Севастиан говорил: «Если бы Варвара была монах, то была бы иеромонах».



В городе проживало много иноков из разоренных монастырей, но основу вокруг преп. Севастиана составили: ин. Агриппина, ин. Феврония, ин. Варвара.

Таким образом, вокруг приходского храма пророка Илии сложился «домашний» монастырь. Так, время с 1928 по 1933 год можно обозначить как первый период в истории Карагандинской общины, который закончился арестом и ссылкой.

В России «домашние» монастыри возникают в начале 1920-х годов по мере закрытия монастырей и передачи монастырских комплексов местным органам власти. Ранее существовавшие монашеские общины дробятся на небольшие группы, которые собираются вокруг приходского храма. В 1927 году насельницы Серафимо-Дивеевского монастыря обосновались в одном из храмов города Мурома. Разъехались по окрестным деревням насельницы московского Алексеевского монастыря, закрытого в 1922 году. Целая группа монахов Свято-Смоленской Зосимовой пустыни остановились в Высоко-Петровском монастыре, действовавшем в то время как приходской храм. В первой половине 1930-х годов они явились объектом первой волны репрессий: многие из них были арестованы и сосланы. В 1937-1938 гг. проходит новый виток репрессий, но на этот раз насельников ждали расстрельные приговоры.

О. Севастиана, вместе с инокинями Агриппиной, Февронией и Варварой арестовали 25 февраля 1933 года и препроводили в Тамбовское ОГПУ для прохождения следствия. На вопрос об отношении к Советской власти преп. Севастиан ответил: «На все мероприятия советской власти я смотрю, как на гнев Божий, и эта власть есть наказание для людей. Такие взгляды я высказывал среди своих приближенных, а также и среди остальных граждан, с которыми приходилось говорить на эту тему. При этом говорил, что нужно молиться, молиться Богу, а также жить в любви, тогда только мы от этого избавимся. Я мало был доволен советской властью за закрытие церквей, монастырей, так как этим уничтожается Православная вера».

В это тяжелое время духовные чада не оставляли батюшку. Они телеграммой вызвали в Тамбов дальнюю родственницу преп. Севастиана, которая передавала ему «передачки». А когда батюшку вместе с другими заключенными выводили из тюрьмы и через двор вели в столовую, духовные чада стояли у ворот и смотрели в щели. Батюшка, проходя мимо, благословлял их.

2 июня 1933 года заседание Тройки ПП ОГПУ по ИЧО по внесудебному рассмотрению дел постановило: «Фомина Степана Васильевича, обвиняемого по ст. 58-10, II УК, заключить в исправтрудлагерь сроком на 7 лет, считая срок с 25/2-33 г.»

Медкомиссия при Тамбовском ФЭИТК признала, что в связи с ограниченным движением левого локтевого сустава, он не может быть отправлен на тяжелые физические работы. Но, несмотря на заключение комиссии, Батюшку определяют в Тамбовскую область на повалку леса. Через год о. Севастиана переводят в Карагандинский лагерь в поселок Долинка, куда он прибыл 26 мая 1934 года. Так началось заключение…

Продолжение следует

Максим Янышевский

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Окаянные дни

Последний Крестный ход, 1918 г.

8 ноября исполнилось 60 лет с момента кончины Ивана Алексеевича Бунина — последнего русского классика, запечатлевшего Россию конца XIX — начала XX веков.

Предлагаем читателям «Александро-Невского вестника» страницы дневниковых записей И.А.Бунина 1918-1919 годов: размышления о России, русском народе в напряженнейшие годы революции и Гражданской войны. Монолог, страстный и предельно искренний, написанный человеком, считавшим революцию проклятием родной земли. Она воспринималась Буниным как «вакханалия» жестокости, как бунт Стеньки Разина, который был «прирождённым разрушителем».

«Окаянным» назвал Бунин это время.

Москва, 1918 г.

10 февраля

«Мир, мир, а мира нет. Между народом Моим ходят нечестивые; сторожат, как птицеловы, припадают к земле, ставят ловушки и уловляют людей. И народ Мой любит это. Слушай, земля: вот Я приведу на народ сей пагубу, плод помыслов их».

Это из Иеремии, — все утро читал Библию. Изумительно. И особенно слова: «И народ Мой любит это…вот Я приведу на народ сей пагубу, плод помыслов их».

Потом просматривал (для «Паруса») свои стихи за 16 год.

Хозяин умер, дом забит,
Цветет на стеклах купорос,
Сарай крапивою зарос,
Варок, давно пустой, раскрыт,
И по хлевам чадит навоз...
Жара, страда... Куда летит
Через усадьбу шалый пес?

Это я писал летом 16 года, сидя в Васильевском, предчувствуя то, что в те дни предчувствовалось, вероятно, многими, жившими в деревне, в близости с народом.

Летом прошлого года это осуществилось полностью:

Вот рожь горит, зерно течет,
А кто же будет жать, вязать?
Вот дым валит, набат гудет,
Да кто ж решится заливать?
Вот встанет бесноватых рать
И как Мамай всю Русь пройдет...

До сих пор не понимаю, как решились мы просидеть все лето 17 года в деревне и как, почему уцелели наши головы!

«Еще не настало время разбираться в русской революции беспристрастно, объективно…» Это слышишь теперь поминутно. Беспристрастно! Но настоящей беспристрастности все равно никогда не будет. А главное: наша «пристрастность» будет ведь очень и очень дорога для будущего историка. Разве важна «страсть» только «революционного народа»? А мы-то что ж, не люди, что ли?

20 февраля

Очень, даже слишком, солнечно и легкий мороз. С горы за Мясницкими воротами — сизая даль, груды домов, золотые маковки церквей. Ах, Москва! На площади перед вокзалом тает, вся площадь блещет золотом, зеркалами. Тяжкий и сильный вид ломовых подвод с ящиками. Не-

ужели всей этой силе, избытку конец? Множество мужиков, солдат в разных, в каких попало шинелях и с разным оружием — кто с саблей на боку, кто с винтовкой, кто с огромным револьвером у пояса… Теперь хозяева всего этого, наследники этого колоссального наследства — они…

В трамвае, конечно, давка.

Две старухи бранят «правительство»…

Рядом с ними мужик, тупо слушает, тупо глядит, странно, мертво, идиотски улыбается…

…А среди всех прочих, сидящих и стоящих, возвышаясь надо всеми на целую голову, стоит великан военный в великолепной серой шинели, туго перетянутой хорошим ремнем, в серой круглой военной шапке, как носил Александр Третий. Весь крупен, породист, блестящая коричневая борода лопатой, в руке в перчатке держит Евангелие. Совершенно чужой всем, последний могикан.

На обратном пути слепит идущая прямо на солнце улица. Вдруг все приподнимаются и смотрят: сцена древней Москвы, картина Сурикова: толпа мужиков и баб в полушубках, окружившая мужика в армяке цвета ржаного хлеба и в красной телячьей шапке, который поспешно распрягает лежащую и бьющуюся на мостовой лошадь; громадные набитые соломой розвальни, оглобли которых она безобразно вывернула, падая, взлезли на тротуар. Мужик орет всем нутром: «Ребят, подцоби!» Но никто не трогается.

В шесть вышли. Встретили М. Говорит, что только что слышал, будто Кремль минируют, хотят взорвать при приходе немцев. Я как раз смотрел в это время на удивительное зеленое небо над Кремлем, на старое золото его древних куполов… Великие князья, терема, Спас-на-Бору, Архангельский собор — до чего все родное, кровное и только теперь как следует прочувствованное, понятое! Взорвать? Все может быть. Теперь все возможно.

24 февраля

В доме напротив нас молебствие, принесли икону «Нечаянной Радости», поют священники. Очень странно кажется это теперь. И очень трогательно. Многие плакали.

25 февраля

Опять какая-то манифестация, знамена, плакаты, музыка — и кто в лес, кто по дрова, в сотни глоток:

— Вставай, подымайся, рабочай народ!

Голоса утробные, первобытные. Лица у женщин чувашские, мордовские, у мужчин, все как на подбор, преступные, иные прямо сахалинские.

Римляне ставили на лица своих каторжников клейма: «Cave furem». На эти лица ничего не надо ставить, — и без всякого клейма все видно.

2 марта

«Вон из Москвы!» А жалко. Днем она теперь удивительно мерзка. Погода мокрая, все мокро, грязно, на тротуарах и на мостовой ямы, ухабистый лед, про толпу же и говорить нечего. А вечером, ночью пусто, небо от редких фонарей чернеет тускло, угрюмо. Но вот тихий переулок, совсем темный, идешь — и вдруг видишь открытые ворота, за ними, в глубине двора, прекрасный силуэт старинного дома, мягко темнеющий на ночном небе, которое тут совсем другое, чем над улицей, а перед домом столетнее дерево, черный узор его громадного раскидистого шатра…

7 марта

В городе говорят:

— Они решили перерезать всех поголовно, всех до семилетнего возраста, чтобы потом ни одна душа не помнила нашего времени.

Спрашиваю дворника:

— Как думаешь, правда?

Вздыхает:

— Все может быть, все может быть.

— И ужели народ допустит?

— Допустит, дорогой барин, еще как допустит-то! Да и что ж с ними сделаешь? Татары, говорят, двести лет нами владали, а ведь тогда разве такой жидкий народ был?

Шли ночью по Тверскому бульвару: горестно и низко клонит голову Пушкин под облачным с просветами небом, точно опять говорит: «Боже, как грустна моя Россия!»

8 марта

Великолепные дома возле нас (на Поварской) реквизируются один за одним. Из них вывозят и вывозят куда-то мебель, ковры, картины, цветы, растения — нынче весь день стояла на возу возле подъезда большая пальма, вся мокрая от дождя и снега, глубоко несчастная. И все привозят, внедряют в эти дома, долженствующие быть какими-то «правительственными» учреждениями, мебель новую, конторскую…

Неужели так уверены в своем долгом и прочном существовании?

«Поношение сокрушило сердце мое…»

Одесса, 1919г.

12 апреля (старого стиля)

Ночью лил дождь. День серый, прохладный. Деревцо, зазеленевшее у нас во дворе, побледнело. И весна-то какая-то окаянная! Главное — совсем нет чувства весны. Да и на что весна теперь?

Все слухи и слухи. Жизнь в непрестанном ожидании (как и вся прошлая зима здесь, в Одессе, и позапрошлая в Москве)... И это ожидание чего-то, что вот-вот придет и все разрешит, сплошное и неизменно-напрасное, конечно, не пройдет нам даром, изувечит наши души, если даже мы и выживем. А за всем тем, что было бы, если бы не было даже ожидания, то есть надежды?

«Боже мой, в какой век повелел Ты родиться мне!»

Двенадцать лет тому назад мы с В. приехали в этот день в Одессу по пути в Палестину. Какие сказочные перемены с тех пор! Мертвый, пустой порт, мертвый, загаженный город… Наши дети, внуки не будут в состоянии даже представить себе ту Россию, в которой мы когда-то (то есть вчера) жили, которую мы не ценили, не понимали — всю эту мощь, сложность, богатство, счастье…

19 апреля

Так все жутко и гадко вокруг, что тянет в церкви, в эти последние убежища, еще не залитые потопом грязи, зверства.

Сейчас все дома темны, в темноте весь город, кроме тех мест, где эти разбойничьи притоны, — там пылают люстры, слышны балалайки, видны стены, увешанные черными знаменами, на которых белые черепа с надписями: «Смерть, смерть буржуям!»

20 апреля

… Лжи столько, что задохнуться можно… Ни единая душа не может не солгать, не может не прибавить и своей лжи, своего искажения к заведомо лживому слуху. И все это от нестерпимой жажды, чтобы было так, как нестерпимо хочется. Человек бредит, как горячечный, и, слушая этот бред, весь день все-таки жадно веришь ему и заражаешься им. Иначе, кажется, не выжил бы и недели. И каждый день это самоодурманивание достигает особой силы к вечеру, — такой силы, что ложишься спать точно эфиром опоенный, почти с полной верой, что ночью непременно что-нибудь случится, и так неистово, так крепко крестишься, молишься так напряженно, до боли во всем теле, что кажется, не может не помочь Бог, чудо, силы небесные. Засыпаешь изнуренный от того невероятного напряжения, с которым просишь об их погибели, и за тысячу верст, в ночь, в темноту, в неизвестность шлешь всю свою душу к родным и близким, свой страх за них, свою любовь к ним, свою муку, да сохранит и спасет их Господь, — и вдруг вскакиваешь среди ночи с бешено заколотившимся сердцем: где-то трах-трах-трах, иногда где-то совсем близко, точно каменный град по крышам, — вот оно, что-то таки случилось, кто-то может быть, напал на город — и конец, крах этой проклятой жизни! А наутро опять отрезвление, тяжкое похмелье, кинулся к газетам, — нет, ничего не случилось, все тот же наглый и твердый крик, все новые «победы». Светит солнце, идут люди, стоят у лавок очереди… и опять тупость, безнадежность, опять впереди пустой долгий день, да нет, не день, а дни, пустые, долгие, ни на что не нужные! Зачем жить, для чего? Зачем делать что-нибудь? В этом мире, в их мире, в мире поголовного хама и зверя, мне ничего не нужно…

Как мы врали друг другу, что наши «чудо-богатыри» — лучшие в мире патриоты, храбрейшие в бою, нежнейшие с побежденным врагом!

— Значит, ничего этого не было?

Нет, было. Но у кого? Есть два типа в народе. В одном преобладает Русь, в другом — Чудь, Меря. Но и в том и в другом есть страшная переменчивость настроений, обликов, «шаткость», как говорили в старину. Народ сам сказал про себя: «Из нас, как из древа, — и дубина, и икона», — в зависимости от обстоятельств, от того, кто это древо обрабатывает: Сергий Радонежский или Емелька Пугачев. Если бы я эту «икону», эту Русь не любил, не видал, из-за чего же бы я так сходил с ума все эти годы, из-за чего страдал так беспрерывно, так люто?

21 апреля

Давеча прочитал про расстрел двадцати шести как-то тупо.

Сейчас в каком-то столбняке. Да, двадцать шесть, и ведь не когда-нибудь, а вчера, у нас, возле меня. Как забыть, как это простить русскому народу? А все простится, все забудется. Впрочем, и я — только стараюсь ужасаться, а по-настоящему не могу, настоящей восприимчивости все-таки не хватает. В этом и весь адский секрет большевиков — убить восприимчивость. Люди живут мерой, отмерена им и восприимчивость, воображение, — перешагни же меру. Это — как цены на хлеб, на говядину. «Что? Три целковых фунт?!» А назначь тысячу — и конец изумлению, крику, столбняк, бесчувственность. «Как? Семь повешенных?!» — «Нет, милый, не семь, а семьсот!» — И уж тут непременно столбняк — семерых-то висящих еще можно представить себе, а попробуйка семьсот, даже семьдесят!

Сейчас (8 часов вечера, а по «советскому» уже половина одиннадцатого) закрывал, возвратясь с прогулки, ставни: ломоть месяца, совсем золотой, чисто блестит сквозь молодую зелень дерева под окном на очистившемся западном небе, тонком и еще светлом.

Вышел в семь, поминутно дождь, похоже на осенний вечер. Прошел по Херсонской, потом завернул к Соборной площади. Еще светло, а уже все закрыто, все магазины, — тягостная, тревожащая душу пустота. Пока дошел до площади, дождь перестал, шел к собору под молодой зеленью уже зацветавших каштанов, по блестящему мокрому асфальту. Вспомнил мрачный вечер «первого мая». А в соборе венчали, пел женский хор. Вошел и, как всегда за последнее время, эта церковная красота, этот остров «старого» мира в море грязи, подлости и низости «нового», тронули необыкновенно. Какое вечернее небо в окнах! В алтаре, в глубине, окна уже лилово синели — любимое мое. Милые девичьи личики у певших в хоре, на головах белые покрывала с золотым крестиком на лбу, в руках ноты и золотые огоньки маленьких восковых свечей — все было так прелестно, что, слушая и глядя, очень плакал. Шел домой — чувство легкости, молодости. И наряду с этим — какая тоска, какая боль!

Ночь на 24 апреля

Последний раз я был в Петербурге в начале апреля 17 года. В мире тогда уже произошло нечто невообразимое: брошена была на полный произвол судьбы — и не когда-нибудь, а во время величайшей мировой войны — величайшая на земле страна… Еще на три тысячи верст тянулись на западе окопы, но они уже стали простыми ямами: дело было кончено, и кончено такой чепухой, которой еще не бывало, ибо власть над этими тремя тысячами верст, над вооруженной ордой, в которую превращалась многомиллионная армия, уже переходила в руки «комиссаров» из журналистов вроде Соболя, Иорданского. Но не менее страшно было и на всем прочем пространстве России, где вдруг оборвалась громадная, веками налаженная жизнь и воцарилось какое-то недоуменное существование, беспричинная праздность и противоестественная свобода от всего, чем живо человеческое общество…

В мире была тогда Пасха, весна, и удивительная весна, даже в Петербурге стояли такие прекрасные дни, каких не запомнишь. А надо всеми моими тогдашними чувствами преобладала безмерная печаль. Перед отъездом я был в Петропавловском соборе. Все было настежь — и крепостные ворота, и соборные двери. И всюду бродил праздный народ, посматривая и поплевывая семечками. Походил и я по собору, посмотрел на царские гробницы, земным поклоном простился с ними. А выйдя на паперть, долго стоял в оцепенении: вся безграничная весенняя Россия развернулась перед моим умственным взглядом. Весна, пасхальные колокола звали к чувствам радостным, воскресным. Но зияла в мире необъятная могила. Смерть была в этой весне, последнее целование…

24 апреля

Когда совсем падаешь духом от полной безнадежности, ловишь себя на сокровенной мечте, что все-таки

настанет же когда-нибудь день отмщения и общего, всечеловеческого проклятия теперешним дням. Нельзя быть без этой надежды. Да, но во что можно верить теперь, когда раскрылась такая несказанно страшная правда о человеке?

Все будет забыто и даже прославлено! И прежде всего литература поможет, которая что угодно исказит, как это сделало, например, с французской революцией то вреднейшее на земле племя, что называется поэтами...

25 апреля

Вышел с Катаевым, чтобы пройтись, и вдруг на минуту всем существом почувствовал очарование весны, чего в нынешнем году (в первый раз в жизни) не чувствовал совсем. Почувствовал, кроме того, какое-то внезапное расширение зрения, — и телесного, и духовного, — необыкновенную силу и ясность его. Необыкновенно коротка показалась Дерибасовская, необыкновенно близки самые дальние здания, замыкающие ее, а потом Екатерининская, закутанный тряпками памятник, дом Левашова, где теперь чрезвычайка, и море — маленькое, плоское, все как на ладони. И с какой-то живостью, ясностью, с какой-то отрешенностью, в которой уже не было ни скорби, ни ужаса, а было только какое-то веселое отчаяние, вдруг осознал уж как будто совсем до конца все, что творится в Одессе и во всей России.

Несомненно и помешательство. И все, что видел по пути, удивительно подтверждало это. И особенно то, на что (как нарочно) наткнулся на Пушкинской: от вокзала, навстречу мне, промчался бешеный автомобиль и в нем, среди кучи товарищей, совершенно бешеный студент с винтовкой в руках: весь полет, расширенные глаза дико воззрились вперед, худ смертельно, черты лица до неправдоподобности тонки, остры, за плечами треплются концы красного башлыка... Вообще, студентов видишь нередко: спешит куда-то, весь растерзан, в грязной ночной рубахе под старой распахнувшейся шинелью, на лохматой голове слинявший картуз, на ногах сбитые башмаки, на плече висит вниз дулом винтовка на веревке... Впрочем, черт его знает — студент ли он на самом деле.

Да хорошо и все прочее. А этот громадный плакат на чрезвычайке? Нарисованы ступени, на верхней — трон, от трона текут потоки крови. Подпись:

Мы кровью народной залитые троны
Кровью наших врагов обагрим!

А на площади, возле Думы, еще и до сих пор бьют в глаза проклятым красным цветом первомайские трибуны. А дальше высится нечто непостижимое по своей гнусности, загадочности и сложности, — нечто сбитое из досок, очевидно, по какому-то футуристическому рисунку и всячески размалеванное, целый дом какой-то, суживающийся кверху, с какими-то сквозными воротами. А по Дерибасовской опять плакаты: два рабочих крутят пресс, а под прессом лежит раздавленный буржуй, изо рта которого и из зада лентами лезут золотые монеты. А толпа? Какая, прежде всего, грязь! Сколько старых, донельзя запакощенных солдатских шинелей, сколько порыжевших обмоток на ногах и сальных картузов, которыми точно улицу подметали, на вшивых головах! И какой ужас берет, как подумаешь, сколько теперь народу ходит в одежде, содранной с убитых, с трупов!

А в красноармейцах главное — распущенность. В зубах папироска, глаза мутные, наглые, картуз на затылок, на лоб падает «шевелюр». Одеты в какую-то сборную рвань. Иногда мундир 70-х годов, иногда, ни с того ни с сего, красные рейтузы и при этом пехотная шинель и громадная старозаветная сабля.

Часовые сидят у входов реквизированных домов в креслах в самых изломанных позах. Иногда сидит просто босяк, на поясе браунинг, с одного боку висит немецкий тесак, с другого кинжал.

Возвратясь домой, пересмотрел давно валяющуюся у меня лубочную книжечку: «Библиотека трудового народа. Песни народного гнева. Одесса, 1917 г.» Да, это и тут есть:

Кровью народной залитые троны
Мы кровью наших врагов обагрим,
Месть беспощадная всем супостатам,
Смерть паразитам трудящихся масс!

Есть «Рабочая Марсельеза», «Варшавянка», «Интернационал», «Народовольческий гимн», «Красное знамя»... И все злобно, кроваво донельзя, лживо до тошноты, плоско, убого до невероятия:

— Мы пошлем всем злодеям проклятье,
На борьбу всех борцов позовем...
— Вихри враждебные веют над нами...
Но мы поднимем гордо и смело
Знамя борьбы за рабочее дело...
— Мы в плуги меч перекуем
И новой жизнью заживем...

Боже мой, что это вообще было! Какое страшное противоестественное дело делалось над целыми поколениями мальчиков и девочек, долбивших Иванюкова и Маркса, возившихся с тайными типографиями, со сборами на «красный крест» и с «литературой»,

Демонстрация трудящихся Одесса, апрель 1919 г.

бесстыдно притворявшихся, что они умирают от любви к Пахомам и к Сидорам, и поминутно разжигавших в себе ненависть к помещику, к фабриканту, к обывателю, ко всем этим «кровопийцам, паукам, угнетателям, деспотам, сатрапам, мещанам, обскурантам, рыцарям тьмы и насилия»!

Да, повальное сумасшествие. Что в голове у народа? На днях шел по Елизаветинской. Сидят часовые возле подъезда реквизированного дома, играют затворами винтовок и один говорит другому:

— А Петербург весь под стеклянным потолком будет... Так что ни снег ни дождь, ни что...

9 июня

Одно из древнейших дикарских верований:

«Блеск звезды, в которую переходит наша душа после смерти, состоит из блеска глаз съеденных нами людей...»

Теперь это звучит не так уж архаично.

«Мечом, своим будешь жить ты, Исав!»

Так живем и до сих пор. Разница только в том, что современный Исав совершенный подлец перед прежним.

И еще одна библейская строка:

«Честь унизится, а низость возрастет... В дом разврата превратятся общественные сборища... И лицо поколения будет собачье...»

11 июня

Четыре часа

Лето семнадцатого года помню как начало какой-то тяжкой болезни, когда уже чувствуешь, что болен, что голова горит, мысли путаются, окружающее приобретает какую-то жуткую сущность, но когда еще держишься на ногах и чего-то ждешь в горячечном напряжении всех последних телесных и душевных сил…

А потом было третье ноября…

Москва, целую неделю защищаемая горстью юнкеров, целую неделю горевшая и сотрясавшаяся от канонады, сдалась, смирилась.

Все стихло, все преграды, все заставы Божеские и человеческие пали — победители спокойно овладели ею, каждой ее улицей, каждым ее жилищем, и уже водружали свой стяг над ее оплотом и святыней, над Кремлем. И не было дня во всей моей жизни страшнее этого дня, — видит Бог, воистину так!

После недельного плена в четырех стенах, без воздуха, почти без сна и пищи, с забаррикадированными стенами и окнами, я, шатаясь, вышел из дому, куда, наотмашь швыряя двери, уже три раза врывались, в поисках врагов и оружия, ватаги «борцов за светлое будущее»…

Вечерел темный, короткий, ледяной и мокрый день поздней осени, хрипло кричали вороны. Москва, жалкая, грязная, обесчещенная, расстрелянная и уже покорная, принимала будничный вид…

Я постоял, поглядел — и побрел домой. А ночью, оставшись один, будучи от природы весьма несклонен к слезам, наконец заплакал и плакал такими страшными и обильными слезами, которых я даже и представить себе не мог.

А потом я плакал на Страстной неделе, уже не один, а вместе со многими и многими, собиравшимися в темные вечера. Среди темной Москвы, с ее наглухо запертым Кремлем, по темным старым церквам, скудно озаренным красными огоньками свечей, и плакавшими под горькое страстное пение: «Волною морскою…гонителя, мучителя под водою скрыша…»

Сколько стояло тогда в этих церквах людей, прежде никогда не бывавших в них, сколько плакало никогда не плакавших!

20 июня

…Сейчас опять идем в архиерейский сад, часто теперь туда ходим, единственное чистое, тихое место во всем городе. Вид оттуда необыкновенно печальный, — вполне мертвая страна. Давно ли порт ломился от богатства и многолюдности? Теперь он пуст, хоть шаром покати, все то жалкое, что есть еще кое-где у пристаней, все ржавое, облупленное, ободранное, а на Пересыпи торчат давно потухшие трубы заводов. И все-таки в саду чудесно, безлюдие, тишина. Часто заходим и в церковь, и всякий раз восторгом до слез охватывает пение, поклоны священнослужителей, каждение, все это благолепие, пристойность, мир всего того благого и милосердного, где с такой нежностью утешается, облегчается всякое земное страдание. И подумать только, прежде люди той среды, к которой и я отчасти принадлежал, бывали в церкви только на похоронах!

ДУХОВНЫЕ НЕДУГИ

«Я не могу жить без...»

Шокирующий эксперимент семейного психолога

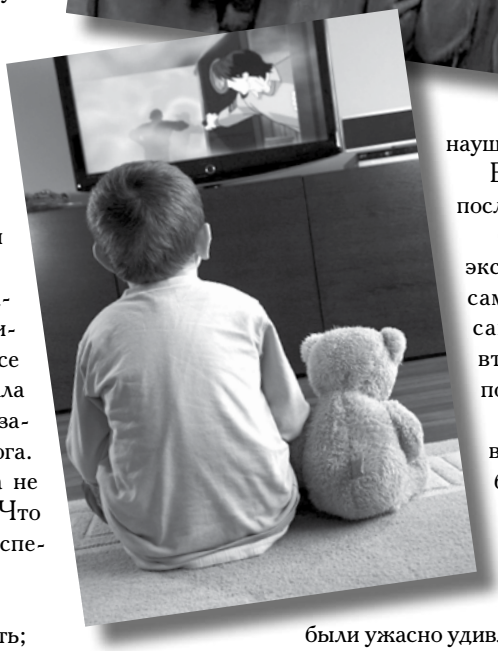
Детям от 12 до 18 лет предложили добровольно провести восемь часов наедине с самим собой, исключив возможность пользоваться средствами коммуникации (мобильные телефоны, интернет). При этом им запрещалось включать компьютер, любые гаджеты, радио и телевизор. Зато разрешался целый ряд классических занятий наедине с собой: письмо, чтение, игра на музыкальных инструментах, рисование, рукоделие, пение, прогулки и т.п.

Автор эксперимента хотела доказать свою рабочую гипотезу о том, что современные детки чересчур много развлекаются, не в состоянии сами себя занять и совершенно не знакомы

со своим внутренним миром. По правилам проведения эксперимента, дети должны были прийти строго на следующий день и рассказать, как прошло испытание на одиночество. Им разрешалось описывать своё состояние во время эксперимента, записывать действия и мысли. В случае чрезмерного беспокойства, дискомфорта или напряжения психолог рекомендовала немедленно прекратить эксперимент, записать время и причину его прекращения.

На первый взгляд, затея эксперимента кажется весьма безобидной. Вот и психолог ошибочно полагала, что это будет совершенно безопасно. Настолько шокирующих результатов эксперимента не ожидал никто. Из 68 участников до конца эксперимент довели только лишь ТРОЕ — одна девочка и два мальчика. У троих возникли суицидальные мысли. Пятеро испытали острые «панические атаки». У 27 наблюдались прямые вегетативные симптомы — тошнота, потливость, головокружение, приливы жара, боль в животе, ощущение «шевеления» волос на голове и т.п. Практически каждый испытал чувство страха и беспокойства.

Новизна ситуации, интерес и радость от встречи с собой исчезла практически у всех к началу второго-третьего часа. Только десять человек из прервавших эксперимент почувствовали беспокойство через три (и больше) часа одиночества.



Героическая девочка, доведшая эксперимент до конца, принесла дневник, в котором она все восемь часов подробно описывала свое состояние. Тут уже волосы зашевелились на голове у психолога. Из этичных соображений, она не стала публиковать эти записи.Что делали подростки во время эксперимента:

— готовили еду, ели;

— читали или пытались читать;

— делали какие-то школьные за- дания (дело было в каникулы, но от отчаяния многие схватились за учебники);

— смотрели в окно или шатались по квартире;

— вышли на улицу и отправились в магазин или кафе (общаться было запрещено условиями эксперимента, но они решили, что продавцы или кассирши — не в счет);

— складывали головоломки или конструктор «Лего»;

— рисовали или пытались рисовать;

— мылись;

— убирались в комнате или квартире;

— играли с собакой или кошкой;

— занимались на тренажерах или делали гимнастику;

— записывали свои ощущения или мысли, писали письмо на бумаге;

— играли на гитаре, пианино (один — на флейте);

— трое писали стихи или прозу;

— один мальчик почти пять часов ездил по городу на автобусах и троллейбусах;

— одна девочка вышивала по канве;

— один мальчик отправился в парк аттракционов и за три часа докатался до того, что его начало рвать;

— один юноша прошел Петербург из конца в конец, порядка 25 км;

— одна девочка пошла в Музей политической истории и еще один мальчик — в зоопарк;

— одна девочка молилась.

Практически все в какой-то момент пытались заснуть, но ни у кого не получилось, в голове навязчиво крутились «дурацкие» мысли.

Прекратив эксперимент, 14 подростков полезли в социальные сети, 20 позвонили приятелям по мобильнику, трое позвонили родителям, пятеро пошли к друзьям домой или во двор. Остальные включили телевизор или погрузились в компьютерные игры. Кроме того, почти все и почти сразу включили музыку или сунули в уши наушники.

Все страхи и симптомы исчезли сразу после прекращения эксперимента.

63 подростка задним числом признали эксперимент полезным и интересным для самопознания. Шестеро повторяли его самостоятельно и утверждают, что со второго (третьего, пятого) раза у них получилось.

При анализе происходившего с ними во время эксперимента 51 человек употреблял словосочетания «зависимость», «получается, я не могу жить без…», «доза», «ломка», «синдром отмены», «мне все время нужно…», «слезть с иглы» и т. д.

Все без исключения говорили о том, что были ужасно удивлены теми мыслями, которые приходили им в голову в процессе эксперимента, но не сумели их внимательно «рассмотреть» из-за ухудшения общего состояния. Один из двух мальчиков, успешно закончивших эксперимент, все восемь часов клеил модель парусного корабля, с перерывом на еду и прогулку с собакой. Другой сначала разбирал и систематизировал свои коллекции, а потом пересаживал цветы. Ни тот, ни другой не испытали в процессе эксперимента никаких негативных эмоций и не отмечали возникновения «странных» мыслей.

Получив такие результаты, семейный психолог испугалась. Гипотеза гипотезой, но когда она вот так подтверждается…

А ведь надо еще учесть, что в эксперименте принимали участие не все подряд, а лишь те, кто заинтересовался и согласился.

http://www.sobor.by

СВЕЧА

И. БУНИН

РОДИНЕ

Они глумятся над тобою,
Они, о Родина, корят,
Тебя твоею простотою,
Убогим видом чёрных хат...

Так сын, спокойный и нахальный,
Стыдиться матери своей —
Усталой, робкой и печальной
Средь городских его друзей.

Глядит с улыбкой состраданья
На ту, кто сотни вёрст брела
И для него, ко дню свиданья,
Последний грошик берегла.

1891 г.

К.Я. Крыжицкий «Дорога»

Духовно-просветительская газета
Зарегистрирована Западно-Сибирским управлением Госкомпечати. Регистрационное свидетельство № Г-1453.
Учредитель: Александро-Невский собор города Барнаула, настоятель протоиерей Александр Войтович.
Редактор: протоиерей Сергий Фисун. Верстка: Наталья Мутовкина
Адрес редакции и издателя: 656054, г. Барнаул, ул. А.Петрова, 221. Тел. 40-28-81.
E-mail: vestnik@ab.ru Подписной индекс 73652. Тираж 1000 экз. Сдано в печать 09.12.13. Выход по графику 26.11.13
Отпечатано в типографии «ПринтЭкспресс», г. Барнаул, ул. Кирова, 47. Цена свободная.